

Уилбур Смит

Охота за слоновой костью

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6651327
Охота за слоновой костью: [роман] / Уилбур Смит: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080212-8

Аннотация

Слоновая кость. «Белое золото» Черной Африки.

«Белое золото», за которое всегда с легкостью убивали.

На глазах документалиста Дэниела Армстронга браконьеры убили его друга и уничтожили стадо слонов.

Теперь начавший расследование Дэниел – один против могущественной транснациональной корпорации. И единственная, кто пытается помочь ему, – антрополог Келли Кинниар.

Но слоновая кость – слишком выгодный бизнес, и теперь охота открыта уже на Дэниела и Келли...

Книга также выходила под названием «В джунглях черной Африки».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Уилбур Смит

Охота за слоновой костью

Wilbur Smith
ELEPHANT SONG

First published in 1991 by Macmillan

© Wilbur Smith, 1991

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо. Прекрасная, любящая, верная и преданная, ты единственная в мире.

Этот дом без окон, со стенами из песчаника, с крытой тростником крышей Дэниэл Армстронг построил своими руками десять лет назад, когда служил младшим лесничим в Администрации национальных парков. С тех пор дом превратился в настоящую сокровищницу.

Джонни Нзу вставил ключ в тяжелый замок и распахнул двустворчатую дверь из прочной местной тиковой древесины. Джонни – главный хранитель Национального парка Чивеве. В прошлом юный сообразительный матабеле был следопытом и носителем ружья Дэниэла. При свете тысяч лагерных костров тот научил его читать, писать и бегло говорить по-английски.

Дэниэл ссудил Джонни деньгами, чтобы он оплатил первый год обучения в Университете Южной Африки; много позже Джонни окончил этот университет и получил диплом бакалавра.

Два молодых человека, черный и белый, вместе патрулировали обширные пространства Национального парка, часто пешком или на велосипедах. В дикой глуши они подружались, и за годы разлуки эта дружба не стала менее прочной.

Теперь Дэниэл всмотрелся в полумрак за дверью и негромко свистнул. – Эй, Джонни, а ты не терял времени, пока меня не было. Под этой крышей у тебя сокровищ на сотни тысяч долларов.

Джонни Нзу с прищуром посмотрел на Дэниэла, пытаясь угадать по лицу друга, что у того на уме. Но вот он расслабился: Джонни знал, что Дэниэл союзник, понимающий проблему даже лучше его. Тем не менее тема была столь щекотливой и вызывала столь сильные чувства, что в Джонни укоренилась привычка ожидать отвращения и враждебности.

Но Дэниэл уже повернулся к своему оператору.

– Можно тут посветить? Мне нужны несколько хороших кадров внутри помещения.

Оператор прошел вперед, сгибаясь под тяжестью сумок с аккумуляторами, висевших у него на поясе, и включил переносную дуговую лампу. Высокие ряды сокровищ озарил яркий бело-голубой свет.

– Джок, давай-ка пройди вслед за мной и хранителем вдоль всего склада, – сказал Дэниэл, и оператор кивнул и подошел ближе с видеокамерой «Сони» на плече.

Джоку тридцать с небольшим. На нем только короткие шорты защитного цвета и открытые сандалии.

На жаре долины Замбези его загорелая грудь блестела от пота, длинные волосы он перевязал на затылке кожаным ремешком. Выглядел он как поп-звезда, но снимал как настоящий художник.

– Попались, парни, – сказал он и провел объективом вдоль неровных груд слоновьих бивней, закончив рукой Дэниэла, глядящей элегантно изгиб сверкающего бивня.

Потом он отступил, снимая Дэниэла в рост.

Не только докторская диссертация по биологии, книги и лекции сделали Дэниэла международным авторитетом в области африканской экологии. У него был вид здорового человека, много времени проводящего на свежем воздухе, и обаятельная манера держаться, что так выгодно проявляется на экране телевизора. И голос, низкий и убедительный.

В его речи достаточно сказывалось влияние Сандхерста¹, чтобы смягчить немелодичные гласные колониального говора.

Отец Дэниэла был штабным офицером в пехотных частях и воевал в Северной Африке под командованием Уэйвелла и Монтгомери.

После войны он выращивал в Родезии табак. Дэниэл родился в Африке, но отец отправил его завершать образование на родину, в Сандхерст. Потом Дэниэл вернулся в Родезию и поступил в Управление национальных парков.

– Слоновая кость, – сказал он, глядя в объектив, – со времен фараонов – один из самых прекрасных и дорогих природных ресурсов. Слава африканских слонов и их ужасный крест.

Дэниэл неторопливо пошел мимо груд бивней, Джонни Нзу двинулся за ним.

– Два тысячелетия человек охотится на слонов, чтобы добыть это живое белое золото, однако десять лет назад в Африке оставалось еще свыше двух миллионов слонов. Популяция слонов казалась неисчерпаемым источником, достоянием, которое защищали, контролировали и которое давало постоянный урожай... а потом что-то пошло не так, трагически, ужасно. За последние десять лет убит почти миллион слонов. Едва ли можно представить себе, почему это случилось. Мы здесь для того, чтобы понять, что пошло не так и как можно спасти стоящих на грани исчезновения африканских слонов. – Он посмотрел на Джонни. – Сегодня у нас в гостях Джон Нзу, главный хранитель Национального парка Чивеве, представитель новой породы африканских консерваторов. По случайному совпадению имя Нзу на языке шана означает «слон». Джон Нзу – повелитель слонов не только по имени.

Хранитель Чивеве, он отвечал за судьбу одного из самых крупных и здоровых слоновьих стад, что еще сохранились в дикой Африке. Скажите, хранитель, сколько бивней у вас на складе Национального парка Чивеве?

– У нас хранится почти пятьсот бивней, точнее, четыреста восемьдесят шесть, средним весом по семь килограммов каждый.

– На международном рынке слоновая кость стоит триста долларов килограмм, – вмешался Дэниэл, – так что тут ее больше чем на миллион долларов. Откуда все это?

---

¹ Военное училище сухопутных войск, находится вблизи деревни Сандхерст графства Беркшир. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Ну, некоторые бивни мы подобрали – это бивни слонов, найденных в парке мертвыми; другие – добыча браконьеров, конфискованная моими лесничими. Но большую часть бивней мы получаем в процессе выбраковки, на которую вынужден идти наш департамент.

Дойдя до конца штабелей бивней, они остановились и повернулись к камере.

– Программу выбраковки мы обсудим чуть позже, хранитель. Сначала расскажите о деятельности браконьеров в Чивеве. Насколько они активны?

– С каждым днем положение ухудшается, – печально покачал головой Джонни. – В Кении, Танзании и Замбии слоны истреблены, поэтому профессионалы все чаще обращают внимание на наше здоровое поголовье слонов дальше на юге. Замбия рядом, за рекой Замбези, и приходящие оттуда банды браконьеров организованы и вооружены лучше, чем мы. Они убивают не только слонов и носорогов, но и людей. Мы вынуждены отвечать тем же. Встретившись с бандой браконьеров, мы первыми начинаем стрелять.

– И все из-за этого...

Дэниэл положил руку на ближайшую грудку бивней; каждый был уникален. Одни почти прямые, длинные и тонкие, точно швейные иглы; другие согнуты, как натянутый лук. Одни заострены, как копья, другие тупые и толстые. Есть бивни жемчужного цвета, но большинство цвета алебаstra; некоторые потемнели от растительного сока, исцарапаны и стерты.

Большинство принадлежало самкам или незрелым самцам; несколько бивней, взятых у детенышей, не длиннее предплечья человека. Совсем немного больших, могучих изогнутых бивней: тяжелая, зрелая слоновая кость взрослых самцов.

Дэниэл погладил один из таких бивней, и выражение его лица предназначалось не только для камеры. Он вновь со всей силой ощутил грусть, которая заставила его писать об уходе и уничтожении старой Африки и ее зачарованного царства животных.

– Мудрый и величественный зверь сведен вот к этому. – Дэниэл говорил почти шепотом. – Мы не можем не видеть трагической сути перемен, охвативших континент, даже если они неизбежны. Что такое слон – символ Африки? Слон умирает. Умирает ли Африка?

Он говорил абсолютно искренне. Все это точно фиксировала камера.

Именно в этом крылась главная причина популярности его телевизионных программ во всем мире.

Дэниэл с явным усилием взял себя в руки и снова повернулся к Джонни Нзу.

– Скажите, хранитель, слоны обречены? Сколько этих замечательных животных у вас в Зимбабве и сколько в Национальном парке Чивеве?

– В Зимбабве примерно пятьдесят две тысячи слонов, а наши данные по парку Чивеве еще более точны. Всего три месяца назад нам удалось обследовать парк с воздуха, нашим спонсором выступил Международный союз охраны природы. Мы сфотографировали всю территорию парка и на снимках с высоким разрешением пересчитали всех животных.

– Сколько? – спросил Дэниэл.

– Только в Чивеве восемнадцать тысяч.

– Большая популяция, примерно треть всех оставшихся в стране слонов, и все они здесь, у вас. – Дэниэл вопросительно приподнял бровь. – В общей мрачной, пессимистической атмосфере это должно внушать бодрость.

Джонни Нзу нахмурился.

– Напротив, доктор Армстронг, нас очень беспокоит такое поголовье.

– Объясните, пожалуйста, хранитель.

– Очень просто, доктор. Мы не можем содержать столько слонов. Мы считаем, что для Зимбабве идеальной популяцией было бы тридцать тысяч животных. Ежедневно один слон поедает тонну растительности, и в поисках пищи ломает деревья, которым нужны сотни лет, чтобы вырасти, ломает даже стволы диаметром четыре фута. Что будет, если позволить этому огромному стаду процветать и размножаться? Очень просто: парк очень быстро пре-

вернется в пыльную пустыню, а когда это произойдет, вся популяция слонов погибнет. И не останется ни деревьев, ни парка, ни слонов.

Дэниэл одобрительно кивнул. Монтируя фильм, он вставит в этом месте серию кадров, снятых несколько лет назад в кенийском национальном парке Амбосели. Устрашающие картины опустошения, голая красная земля и мертвые черные деревья, с которых содрали кору и листву; деревья умоляюще протягивают голые ветви к жестокому голубому небу Африки, разлагающиеся туши крупных животных лежат, как кожаные мешки, там, где их погубили голод и браконьеры.

– У вас есть решение, хранитель? – негромко спросил Дэниэл.

– Боюсь, что очень жестокое.

– Вы покажете его нам?

Джонни Нзу пожал плечами.

– Смотреть на это не слишком приятно, но да, вы можете посмотреть, как это делается.

Дэниэл проснулся за двадцать минут до восхода солнца.

Ни годы, проведенные в больших городах за пределами Африки, ни многочисленные рассветы на севере, ни смена временных поясов в летящих самолетах – ничто не избавило его от привычки, приобретенной в этой долине. Конечно, годы участия в ужасающей родезийской войне в буше, когда он был призван на службу в войска безопасности, только укрепили ее.

Для Дэниэла рассвет – самое волшебное время дня, в особенности в этой долине. Он выбрался из спального мешка и потянулся за обувью. Он и его люди спали одетыми на пропеченной солнцем земле, расположившись вокруг угольев гаснущего костра. Они не стали сооружать защитную бому из колючих ветвей, хотя ночью по всему откосу порой рычали львы.

Дэниэл завязал шнурки на башмаках и неслышно выскользнул из круга спящих. Капли росы, висящие на стеблях травы словно жемчужины, промочили до колен его брюки, пока он шел к каменному выступу на краю утеса. Здесь он нашел место для сидения на камне и плотнее запахнул анорак.

С обманчивой быстротой и внезапностью подкрался рассвет, окрасил облака над великой рекой в нежные оттенки розового и серого талька.

Над темно-зелеными водами Зимбабве клубился туман, он пульсировал, как призрачная эктоплазма; темные стаи летящих уток четко очерчивались на бледном фоне. Утки летели строем, и концы их крыльев казались в неверном свете остриями ножей.

Где-то поблизости заревел лев; рев постепенно стих в раскатах мяукающих хрипов. При первых же звуках Дэниэл вздрогнул. Он много раз слышал львиный рев, но всегда вздрагивал. Ничего подобного в мире нет. Для него это был голос самой Африки.

Потом он увидел внизу, на краю болота, силуэт большой кошки. Лев, явно сытый и довольный, низко держал массивную голову с темной гривой, поворачивая ее из стороны в сторону в такт своей величественной походке.

Пасть была раскрыта, за черными губами блестели клыки.

Дэниэл проследил, как лев исчезает в густых кустах вдоль реки, и вздохнул от пережитого удовольствия. Сзади послышался негромкий звук. Дэниэл вздрогнул, но Джонни Нзу коснулся его плеча, успокаивая, и сел рядом на каменную плиту.

Джонни закурил. Дэниэлу так и не удалось отучить его от этой привычки. Они сидели в дружелюбном молчании, как много раз прежде, и смотрели, как быстро светает, пока не наступил миг, внушающий священный трепет: над темной массой леса показался горящий край солнца. Свет изменился, весь мир стал ярким и блестящим, как драгоценная керамика только из печи.

– Десять минут назад в лагерь вернулись следопыты. Они нашли стадо, – нарушил тишину Джонни, сбивая настрой.

Дэниэл пошевелился и посмотрел на него.

– Сколько? – спросил он.

– Примерно пятьдесят.

Это хорошо. Больше они все равно не смогли бы обработать – в жаркой долине плоть и шкура быстро гниют, а меньшее количество не оправдывало бы использование людей и дорогого оборудования.

– Ты уверен, что хочешь снимать? – спросил Джонни.

Дэниэл кивнул.

– Я тщательно это обдумал. Было бы нечестно скрывать.

– Люди едят мясо и носят кожу, но не хотят видеть бойню, – заметил Джонни.

– Мы рассматриваем сложный, вызывающий переживания объект. Люди имеют право знать.

– У любого другого я заподозрил бы журналистскую погоню за сенсацией, – сказал Джонни, и Дэниэл нахмурился.

– Ты, вероятно, единственный, кому я позволяю так говорить, потому что тебя мне не обмануть.

– Да, Дэни, меня тебе не обмануть, – согласился Джонни. – Тебе это ненавистно не меньше, чем мне, но именно ты первый объяснил мне, что это необходимо.

– Давай-ка приступим, – предложил Дэниэл. Они встали и молча пошли туда, где стояли грузовики.

Лагерь уже ожил, на кострах варили кофе.

Лесничие скатывали одеяла и спальные мешки, проверяли оружие. Их было четверо, двое черных и двое белых, все двадцати с небольшим лет, в форме национальных парков – защитно-зеленой, с зелеными полосками на плечах; обращаясь с оружием с навыками ветеранов, они дружелюбно, весело болтали. Черные и белые обращались друг с другом товарищески, хотя, вероятно, судя по возрасту, все участвовали в войне в буше, причем на разных сторонах. Дэниэла всегда поражало, как мало горечи в них осталось.

Джок, оператор, уже снимал. Дэниэлу иногда казалось, что камера «Сони» – естественное продолжение его тела, как горб.

– Я задам тебе перед камерой несколько глупых вопросов и могу немного поддразнить тебя, – предупредил Дэниэл Джонни. – Мы оба знаем ответы на эти вопросы, но тебе придется притворяться, ладно?

– Валяй.

Джонни отлично выглядит на видео. Дэниэл накануне как раз разглядывал полученные кадры. Одно из преимуществ современного видеоборудования – возможность сразу увидеть результат. Джонни напоминает молодого Кассиуса Клея, до того как тот стал Мохаммедом Али, но черты у него тоньше, фигура изящнее, и он гораздо фотогеничнее. Выразительное, подвижное лицо, а кожа не такая темная, чтобы составить большой контраст и затруднить съемку.

Они жались к дымному костру; Джок приблизил к ним камеру.

– Мы в лагере на берегу реки Замбези, солнце только что встало, а поблизости буш, в котором ваши следопыты, хранитель, обнаружили следы стада слонов в пятьдесят голов, – сказал Дэниэл Джонни, и тот кивнул. – Вы объяснили мне, что парк Чивеве не может содержать столько крупных животных и что только в этом году по меньшей мере тысячу их следует удалить из парка, не только по соображениям экологии, но и ради выживания остающихся слоновьих стад. Как вы их собираетесь удалять?

– Нам придется провести выбраковку, – коротко ответил Джонни.

– Выбраковку? – переспросил Дэниэл. – Это значит убить, верно?
– Да. Мы с лесничими перестреляем их.
– Всех, хранитель? Вы сегодня застрелите пятьдесят слонов?
– Мы выбракуем все стадо.
– Но как же слонята и беременные самки? Неужели вы не пощадите ни одно животное?
– Все они здесь лишние, – настаивал Джонни.
– Но почему, хранитель? Нельзя ли поймать их, использовать стрелы со снотворным и переселить куда-нибудь?

– Стоимость перевозки животного размером со слона огромна. Крупный самец весит шесть тонн, средняя самка – около четырех. Посмотрите на местность ниже по долине, – Джонни показал на высокий откос и скалистые холмы; все заросло диким лесом. – Потребовались бы специальные фургоны, а еще пришлось бы построить дороги, чтобы фургоны приехали и уехали. Но даже если бы это было возможно, куда их везти? Я говорил, у нас в Зимбабве около двадцати тысяч лишних слонов. Куда их можно переселить? Для них просто нет места.

– Итак, хранитель, в отличие от более северных стран, например Кении и Замбии, где браконьерство и неудачная природоохранная политика привели к почти полному уничтожению слонов, вы в парадоксальной ситуации. Вы слишком хорошо присматривали за слонами. И теперь вам приходится зря уничтожать этих удивительных животных.

– Нет, доктор Армстронг, мы уничтожаем их не зря. Мы используем их туши, слоновую кость, шкуры и мясо – все это будет продано. А полученные средства пойдут на охрану природы, предотвращение браконьерства и защиту наших национальных парков. Смерть этих животных не просто злодеяние.

– Но почему необходимо убивать матерей и детей? – настаивал Дэниэл.

– Не хитрите, доктор, – предостерег его Джонни. – Вы используете эмоциональную терминологию групп защиты животных – «матери и дети». Назовем их лучше самками и детенышами и согласимся, что самка ест и занимает места не меньше самца, а детеныши очень быстро становятся взрослыми.

– Это вы так считаете, – произнес Дэниэл, но, хоть и предупрежденный перед съемкой, Джонни начал сердиться.

– Подождите! – рявкнул он. – Дело не только в этом. Мы должны уничтожить все стадо. Категорически нельзя оставлять выживших. Стадо слонов – это семейная группа со сложной внутренней структурой. Почти все животные кровные родственники, и в стаде существуют разветвленные социальные отношения. Слон – умное животное, вероятно, самое умное после приматов и, несомненно, разумнее кошек, собак или даже дельфинов. Слоны знают... то есть, я хочу сказать, они понимают...

Он замолчал и откашлялся. Джонни терял контроль над чувствами, и никогда Дэниэл не любил его и не восхищался им больше, чем в этот момент.

– Ужасная истина заключается в том, – хрипло продолжал Джонни, – что, если мы позволим кому-нибудь пережить выбраковку, уцелевшие передадут свой ужас и панику остальным стадам парка. Быстро исказится социальное поведение слонов.

– Нет ли в этих словах натяжки, хранитель? – негромко спросил Дэниэл.

– Нет. Так бывало раньше. После войны в Национальном парке Венки оказалось десять тысяч лишних слонов. В то время мы мало что знали о технике и последствиях массовой выбраковки. Пришлось быстро научиться. Наши первые неловкие попытки едва не уничтожили всю социальную структуру стад. Перестреляв старейших животных, мы уничтожили накопленный ими опыт и запас передаваемой мудрости. Мы нарушили маршруты их миграции, уничтожили иерархию и дисциплину внутри стад, даже их обычаи размножения.

Словно почувствовав приближающееся истребление, самцы начали покрывать неполовозрелых самок раньше, чем те были готовы к случке.

Самка слона может зачинать и вынашивать плод не раньше шестнадцати лет, как женщина. От стресса, вызванного выбраковкой, самцы покрывали самок десяти и одиннадцати лет; от таких союзов рождались низкорослые, болезненные детеныши. – Джонни покачал головой. – Нет, мы должны одним ударом уничтожить все стадо.

Почти с облегчением он посмотрел на небо.

Оба слышали за облаками шум самолета, похожий на гудение насекомого.

– Наш разведчик, – пояснил Джонни тихо и взял в руки микрофон. – Доброе... утро, Сьерра Майк. Мы видим вас примерно в четырех милях к югу от нашей позиции. Подаю сигнал желтым дымом.

Джонни кивнул одному из лесничих, и тот взял в руки запальный шнур дымовой пашки. Желтый дым поднялся в воздух и поплыл над вершинами деревьев.

– Принято, парк. Вижу ваш дым. Прошу наведения на цель.

Джонни нахмурился, услышав слово «цель», и, отвечая, использовал другое слово.

– Вчера на закате стадо двигалось на север к реке в пяти милях от этой позиции. В нем больше пятидесяти животных.

– Спасибо, парк. Свяжусь снова, когда увижу его.

Она видели, как самолет резко повернул на восток. Старинная одномоторная «Сессна», в прошлом, во время войны в буше, вероятно, самолет-убийца.

Пятнадцать минут спустя радио снова с треском ожило.

– Алло, парк. Нашел ваше стадо. Больше пятидесяти штук и в восьми милях от вашей нынешней позиции.

Стадо расположилось на обоих берегах пересохшей реки, когда-то проложившей себе путь в низких кремневых холмах. Здесь длинные корни дотягивались до подземных вод, и потому лес был зеленее и пышнее. На акациях, в шестидесяти футах над землей, висели крупные стручки, похожие на длинные коричневые галеты.

Две самки подошли к одному из деревьев с согнутыми под тяжестью стручков ветками. Это были матриархи стада, обе семидесяти лет, исхудавшие старые вдовы с изорванными ушами и слезящимися глазами.

Они связаны друг с другом больше пятидесяти лет. Сводные сестры, погодки от одной матери. Старшую после рождения младшей отлучили от вымени, она нежно помогала ухаживать за младшей, как бывает между сестрами у людей. Они бок о бок прожили долгую жизнь и накопили огромный жизненный опыт и мудрость, добавив все это к наследственному инстинкту, полученному при рождении.

Они поддерживали друг друга в засуху, в голод и в болезнях. Разделяли радость добрых дождей и изобильной пищи. Знали, где скрываются охотники и в каких границах они и стадо в безопасности. Они были друг для друга повитухами, уходя от стада, когда для одной из них приходил срок, и помогали друг другу терпеть родовые боли. Они разрывали друг у друга плодный пузырь детеныша и помогали выращивать малышей, передавать им мудрость и подводить к зрелости.

Дни их собственной плодовитости давно миновали, но стадо и его безопасность оставались их обязанностью и главной заботой. Их радостью и главной ответственностью были молодые самки и новые детеныши, продолжавшие линию их крови.

Возможно, наделять грубых животных столь человеческими чувствами, как любовь, уважение или вера в то, что им понятно кровное родство и известно о продолжении своего рода, – все это выдумка, фантазия. Но никто из видевших, как старые самки поднимая уши или резким криком успокаивают разбушевавшуюся молодежь, как стадо в безусловном пови-

новении следует за ними, не усомнился бы в их власти и авторитете. Никто из видевших, как они ласкают детенышей мягким хоботом или помогают им преодолеть особенно крутые подъемы, не мог не заметить их заботы. А когда грозила опасность, они ставили малышей за собой и бросались вперед, широко расставив уши, вскинув хоботы, готовые ударить по врагу.

Крупные самцы, огромные, массивные, превосходили их величиной, но не хитростью и яростью.

Бивни самцов длиннее и тяжелее, иногда они весят больше ста фунтов. Бивни старых самок искривлены, изношены, потрескались и обесцветились от старости, сквозь серую кожу слоних выпирают ребра, но слонихи никогда не ослабляли бдительность и заботу о стаде.

Самцы поддерживали непрочную связь со стадом из самок и детенышей. С годами они предпочитали одиночество и образовывали небольшие холостяцкие группы из двух-трех животных, навещая самок только когда чувствовали острый запах течки. А старые самки всегда оставались со стадом.

Именно они были той прочной основой, на которой покоилась социальная структура стада. Тесная община самок и детенышей полностью зависела от их мудрости и опыта в повседневной жизни и выживании.

Теперь сестры в полной гармонии направились к гигантской акации, усыпанной крупными стручками, заняли позиции по обе стороны ствола и прижались лбами к неровной шероховатой коре. Ствол был выше четырех футов диаметром, неподвижный и прочный, как мраморная колонна. На высоте в сто футов расходились огромные ветви, а листва и стручки переплетались, образуя на фоне неба соборный купол.

Две самки принялись одновременно раскачиваться вперед-назад, зажав ствол лбами. Вначале акация оставалась неподвижной, не уступая даже их огромной силе. Старые самки упрямо продолжали действовать, нажимая все сильнее и сильнее, они по очереди обрушивали свой огромный вес на дерево то с одной, то с другой стороны, и акация едва заметно задрожала, верхние ветки зашевелились, словно тронутые ветром.

Самки продолжали ритмично нажимать, и ствол пришел в движение.

Единственный спелый стручок сорвался с ветки, с высоты ста футов, упал на лоб одной из самок и разбился. Самка крепко зажмурила слезящиеся глаза, не прекращая толчков. Вдвоем они добились того, что гигантский ствол начал раскачиваться, вначале громоздко и медленно, потом все быстрее и резче. Упал еще один стручок, потом еще; они падали тяжело, как первые капли ливня.

Детеныши поняли, что предстоит, возбужденно захлопали ушами и устремились вперед. Богатые протеином стручки акации – их излюбленное лакомство. Они радостно окружили самок, подхватывали хоботами падающие стручки и засовывали их глубоко в горло.

Теперь большое дерево раскачивалось из стороны в сторону, его ветви переплетались, листва дрожала. Стручки и маленькие ветки градом сыпались сверху, с грохотом отскакивая от спин самок.

Самки, по-прежнему сжимавшие ствол словно в тисках, упрямо раскачивали его до тех пор, пока дождь стручков не прекратился.

Лишь когда сверху упал последний стручок, они отошли от ствола. Их спины были покрыты листвой и ветками, сухой корой и бархатными стручками, они по щиколотку стояли в опавшей листве и обломках. Потом слонихи опустили хоботы к земле, осторожно подобрали по стручку и сунули в раскрытые пасти, опустив нижнюю треугольную губу.

Слизь лицевых желез, словно слезы удовольствия, покрыла их щеки, когда они начали кормиться.

Стадо столпилось вокруг, вволю лакомясь плодами их трудов.

Длинные змееподобные хоботы поднимались и опускались, стручки попадали в глотку, слышался звук, исходивший от всех этих огромных туш, мягкое урчание множества оттенков; этот звук перемежался высоким попискиванием, едва уловимым для человеческого уха. Необычный хор, выразивший довольство, к которому примкнули даже самые маленькие слонята.

Этот звук словно выражал радость жизни и укреплял связь, существующую между всеми особями в стаде.

Слоновья песнь.

Одна из старых самок первой заметила угрозу для стада и дала сигнал тревоги – резкий, высокий звук, который не воспринимает человеческое ухо. Все слоны мгновенно замерли и стояли совершенно неподвижно. Даже самые молодые слонята реагировали немедленно.

Тишина после радостного пиршественного рева казалась сверхъестественной, а гудение двигателя самолета – слишком громким по контрасту.

Старые самки узнали шум двигателя «Сессны».

За последние несколько лет они слышали его много раз и привыкли связывать с бурной человеческой деятельностью, усилением напряжения и распространением ужаса, который телепатически передается от одной стаи слонов к другой.

Они знали, что этот звук в воздухе – предвестник далеких хлопков ружейных выстрелов и запаха слоновьей крови, который потоки теплого воздуха разносят вдоль откоса. Часто после того, как стихнут гул мотора и ружейные выстрелы, слоны находили обширные участки леса, залитые уже засохшей кровью, и чувствовали запах боли, страха и смерти других слонов; этот запах по-прежнему смешивался со зловонием крови и гниющих внутренностей.

Одна из самок попятилась и гневно покачала головой. Ее рваные уши громко хлопали о плечи – с таким звуком разворачивается грот, ловя ветер.

Потом самка повернулась и бегом повела стадо.

При стаде было два взрослых самца, но при первых же признаках опасности они отвернули и исчезли в лесу. Инстинктивно почуяв, что стадо уязвимо, они искали спасения в одиноком бегстве. Молодые самки и детеныши побежали за матриархами; самые маленькие лихорадочно старались угнаться за матерями. В иных обстоятельствах их торопливость могла бы показаться комичной.

– Парк, прием. Стадо бежит на юг к проходу Имбелези.

– Принято, Сьерра Майк. Пожалуйста, гоните его к повороту на пруды Маны.

Старая самка вела стадо в холмы. Она хотела увести стадо из речной долины, где камни и крутой откос мешают бежать, но звуки самолета впереди не давали ей пройти к началу прохода.

Самка неуверенно остановилась и подняла голову к небу, где в самой вышине громоздились огромные серебряные груды облаков.

Она расправила уши, потрепанные и выцветшие от старости, и повернула голову в сторону страшного звука.

И увидела самолет. Лучи раннего солнца отразились от его ветрового стекла, когда самолет круто повернул и начал снижаться к ней. Он летел низко, над самыми вершинами деревьев, и гул его двигателя перешел в рев.

Обе самки кинулись обратно к реке. Стадо нестройно развернулось, как кавалерийский отряд, и побежало за самками; поднятая слонами мелкая пыль поднялась выше деревьев.

– Парк, стадо направляется в вашу сторону. Вы в пяти милях от поворота.

– Спасибо, Сьерра Майк; летите над ними и продолжайте шуметь. Но не гоните слишком сильно.

– Понял, парк.

– Все л-группы. – Джонни Нзу сменил частоту. – Всем л-группам собраться у прудов Маны.

Л-группы, группы ликвидаторов, – это четыре «лендровера», стоящие на позициях вдоль главной тропы, идущей от штаб-квартиры Чивеве вдоль речного откоса. Джонни разместил их так, чтобы они могли остановить стадо, если оно попытается свернуть. Кажется, теперь это не понадобится. Опытный пилот-разведчик умело гнал стадо в нужный квадрат.

– Кажется, получится с первой попытки, – пробормотал Джонни, тормозя, разворачивая «лендровер» на 180 градусов и полным ходом мчась вниз по тропе. Между песчаными колеями росла высокая трава, и машину подбрасывало на кочках. Ветер дул в лицо; Джонни сорвал с головы шляпу и сунул в карман.

Джок с плеча снимал стадо буйволов, которое выбежало перед ними из леса и пересекло тропу.

– Проклятие! – Джонни нажал на тормоза и взглянул на часы. – Эти глупые найати нам помешают.

Сотни темных бычьих тел двигались сплошным потоком; буйволы тяжело скакали, поднимая белую пыль, хрюкая, мыча и на бегу заливая приминаемую траву жидким пометом.

Через несколько минут они пробежали, и Джонни снова увеличил скорость. Машина ворвалась в облако пыли и запрыгала по выбоинам, оставленным большими раздвоенными копытами. За поворотом тропы стояли на перекрестке другие «лендроверы», а рядом с ними – четыре лесничих, держа в руках ружья и выжидательно повернув назад головы.

Джонни затормозил свой «лендровер» и взял в руки микрофон радио.

– Сьерра Майк, дайте координаты.

– Парк, стадо в двух милях от вас, приближается к Длинному Влею.

Влей – это углубление в травяной равнине; Длинный Влей тянется на много миль вдоль реки. В сезон дождей он превращается в болото, но сейчас представляет собой идеальную территорию для убийства. Лесничие использовали его и раньше.

Джонни привстал на шоферском сиденье и снял со стойки ружье. Он и его лесничие вооружены дешевыми ружьями «Магнум» массового производства, заряженными мощными пулями, рассчитанными на высокую проникаемость. Людей для этой работы он отбирал по их умению метко стрелять.

Убить нужно быстро и как можно более гуманно.

Стрелять будут в мозг, не пытаясь произвести более легкий выстрел в тело.

– Пошли! – приказал Джонни.

Ему не требовалось отдавать приказы. Хотя все эти люди – молодые, суровые профессионалы – проделывали эту работу уже много раз, лица у них были серьезные. В глазах никакого возбуждения, никакого предвкушения. Это не забава.

Им явно не нравилась предстоящая кровавая работа.

Все они в шортах, в вельскунах – прочных южноафриканских башмаках из невыделанной кожи – на босу ногу, одежда для бега, легкая. Единственная тяжесть, которая у них с собой, – дешевое оружие и патронташи на поясе.

Стройные, мускулистые; Джонни Нзу такой же сильный и закаленный, как все остальные. Они побежали навстречу стаду.

Дэниэл бежал за Джонни Нзу. Он считал, что бег и тренировки держат его в хорошей форме, но он забыл, что значит охотиться и быть в такой форме, как Джонни Нзу и его лесничие.

Они бежали как псы, легко летели по лесу, их ноги словно сами находили дорогу среди кустов и скал, упавших ветвей и ям. На бегу они едва касались земли.

Когда-то и Дэниэл так бегал, но сейчас его ноги тяжело ударяли в землю, и он раз или два споткнулся на неровной поверхности. Они с оператором сильно отстали.

Джонни Нзу дал знак рукой, и лесничие вытянулись длинной засадной цепью, их разделяло расстояние в тридцать ярдов.

Впереди лес неожиданно расступился, открылась поляна Длинного Влея, триста ярдов шириной, поросшая сухой светлой травой по пояс человеку.

Ряд охотников остановился на краю леса; все смотрели в центр, где стоял Джонни. Джонни запрокинул голову: он следил за самолетом-разведчиком над вершинами деревьев. Самолет круто повернул и встал на крыло почти вертикально.

Дэниэл поравнялся с Джонни; и он, и оператор тяжело дышали, хотя пробежали меньше мили. Дэниэл позавидовал Джонни.

– Вот они, – негромко сказал Джонни. – Посмотри на пыль.

Над вершинами, разделяя их и самолет, стояла завеса пыли.

– Бегут быстро.

Джонни замахал правой рукой, и засадная цепь послушно изогнулась, приняв форму рогов буйвола, с Джонни в центре. По следующему сигналу люди пошли на поляну.

Легкий ветерок дул им в лицо: стадо не почует их. Хотя инстинктивно стадо бежит против ветра, чтобы не наткнуться на опасность, самолет повернул его, заставив бежать по ветру.

Слоны подслеповаты: цепь людей они увидят, только когда будет поздно. Ловушка расставлена, и слоны бегут прямо в нее, подгоняемые низко летящей «Сессной».

Две старые самки вырвались вперед, их костлявые ноги мелькали, уши были прижаты и заведены назад, свободные складки серой кожи дрожали и качались при каждом шаге. Остальная часть стада держалась за ними. Детеныши начинали уставать, и матери подталкивали их хоботами.

Линия палачей застыла полукругом, как вход в сеть, готовую захватить косяк рыбы. У слонов будет слишком большой разгон, когда их слабые, да еще ослепленные паникой глаза заметят фигуры людей.

– Первыми снять старушек, – негромко сказал Джонни.

Он узнал старых слоних и понял, что с их гибелью стадо растеряется и поведет себя нерешительно. Его приказ передали по цепи.

Самки бежали перед стадом прямо туда, где стоял Джонни.

Он подпустил их ближе. Ружье Джонни держал у груди, высоко поднимая.

За сто ярдов от него слоновьи вдовы начали отворачивать влево, и Джонни впервые шевельнулся.

Он поднял ружье, помахал им над головой и крикнул на синдебеле:

– Нанзи инкозиказе, я здесь, уважаемая старушка!

Слоны впервые поняли, что перед ними не древесный пень, а смертельный враг.

Они мгновенно вновь повернули к нему и, движимые генетически усвоенной заботой о стаде, пытались излить на него всю унаследованную ненависть. Они полным ходом неслись к Джонни.

На бегу они яростно трубили и удлинили шаг; из-под их колоссальных ступней поднималась пыль. Уши прижались к голове – верный признак гнева. Слоны возвышались над группой крошечных человеческих фигур.

Дэниэл отчаянно жалел, что не принял мер предосторожности и не прихватил оружие. Он забыл, как ужасен миг, когда ближайшая самка в пятидесяти ярдах от тебя и приближается со скоростью сорок миль в час.

Джок продолжал снимать, хотя теперь яростные крики двух самок подхватило все стадо. Слоны приближались, точно лавина из серого гранита, словно обрушился целый взорванный холм.

Когда оставалось тридцать ярдов, Джонни Нзу поднял ружье к плечу и подался вперед, чтобы погасить отдачу. На вороненом стальном стволе не было оптического прицела. Для такой близкой стрельбы Джонни использовал простой прицел.

С появления в 1912 году «Холланда и Холланда»³⁷⁵ тысячи спортсменов и охотников-профессионалов доказали, что это самое универсальное и эффективное оружие, когда-либо применявшееся в Африке.

Высокая точность, небольшая отдача и трехсотграновая² пуля – настоящее чудо баллистики, с плоской траекторией и глубочайшим проникновением.

Джонни прицелился в голову бегущей впереди самки, в складку между близорукими слезящимися глазами. Выстрел прозвучал резко, как щелчок бича, и с обветренной серой кожи на черепе поднялся столбик пыли – точно в том месте, куда целился Джонни.

Пуля пробила голову легко, как стальной гвоздь – спелое яблоко. Она разрушила верхнюю часть мозга, и передние ноги самки подогнулись; Дэниэл почувствовал, как дрогнула земля, когда самка в облаке пыли рухнула на землю.

Джонни прицелился во вторую самку в тот миг, когда та поравнялась с тушей сестры. Не отнимая приклада от плеча, он перезарядил ружье, щелкнув затвором.

Пустая гильза еще чертила свою сверкающую параболу, когда Джонни выстрелил снова. Звуки двух выстрелов почти слились воедино; они прозвучали так быстро, что даже опытное ухо могло бы принять их за один. Пуля опять точно попала в цель; самка, как и первая, умерла мгновенно.

Ее ноги подогнулись, и она упала на брюхо, касаясь плечом сестры. У каждой в центре головы из маленького пулевого отверстия бил фонтанчик крови.

Стадо пришло в смятение. Сбитые с толку животные вертелись, сталкивались друг с другом, приминали траву и вздымали вокруг себя тучи пыли, которые мешали видеть происходящее, так что тела слонов в этом пылевом облаке казались нереальными и были едва различимы. Детеныши искали убежища под материнским брюхом, в ужасе прижимали уши к голове, а лихорадочно суетящиеся матери толкали их и выпихивали наверх.

Лесничие приближались, непрерывно стреляя. Выстрелы превратились в непрерывный рокот. Все стреляли в мозг. Со звуком, с каким наносят хороший удар клюшкой для гольфа по мячу, пуля пробивала череп; слон дергался и вскидывал голову. При каждом выстреле один из слонов падал замертво или, ошеломленный, замирал. Большинство погибало мгновенно; подгибались передние ноги, потом с глухим стуком, словно мешок кукурузы, падала голова.

Если пуля миновала мозг, но проходила близко от него, бегущий слон, пошатнувшись, спотыкался и падал, трубя, бессильно поднимая хобот к небу.

Одного из детенышей придавило тушей матери и сломало спину, он лежал и кричал от страха и боли. Некоторые слоны оказывались внутри завала из тел павших сородичей и вставали на дыбы, пытаясь перебраться через трупы. Снайперы стреляли в них, они падали на мертвых, по ним карабкались новые и в свою очередь получали пулю.

Все произошло очень быстро. Через несколько минут все взрослые животные были мертвы; они лежали рядом друг с другом или друг на друге кровавыми грудями.

Только детеныши беспомощно бегали кругами, спотыкаясь о тела мертвых и умирающих, крича и цепляясь за туши матерей.

---

² Вес пули измеряется в гранах, один гран – 64 миллиграмма.